

Информация для цитирования:

Соловьева Е. А. Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 632–645. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

Soloveva E. A. *Genesis ucheniya o sostave prestupleniya v pravovykh sistemakh sovremennosti* [The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 632–645. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645.

УДК 343.2

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-632-645

Генезис учения о составе преступления в правовых системах современности

Е. А. Соловьева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.07.2025

Введение: статья посвящена компаративистскому анализу учения о составе преступления. Автором предпринимается попытка объяснения дифференцированного подхода к включению теории состава преступления в национальное уголовное право различных государств. **Цель:** выявить закономерность влияния исторического пути формирования права на становление учения о составе преступления в уголовном праве. **Методы:** общенаучные методы, исторический, сравнительно-правовой и юридико-догматические методы. **Результаты:** установлено, что исторический путь развития и становления права, принадлежность государства к различным видам правовых семей определяют понимание состава преступления. **Выводы:** для стран континентальной правовой семьи учение о составе преступления имеет ключевое значение: состав преступления (деяния) выступает описанием в законе преступления. В государствах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле – как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении, а также в материальном смысле – как некая модель преступления, характеризующаяся двумя элементами: *actus reus* и *mens rea*, признаки которых могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве. При переводе авторы упрощенную структуру преступления и состав преступления в российском понимании отождествляют, несмотря на то что в самой англосаксонской теории материального уголовного права категория состава преступления не разработана. В мусульманской правовой семье состав преступления не обрел самостоятельного значения, хотя имеется тенденция к реципированию правовых конструкций законодательства западных государств. В азиатских странах получили развитие как советская теория состава преступления (Китайская Народная Республика (КНР) и Монголия), так и немецкое учение о составе преступления (Япония). В настоящее время КНР использует собственную системную теорию состава преступления. Единственным нормативным актом, закрепившим понятие состава преступления, остается Уголовный кодекс Республики Молдова.

Ключевые слова: состав преступления; модель преступления; элементы преступления; структура состава преступления; уголовное право

© Соловьева Е. А., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Genesis of the Doctrine of the Composition of a Crime (Elements of a Crime) in Modern Legal Systems

E. A. Soloveva

Perm State University

E-mail: solovevapsu@yandex.ru

Received 05 Jul 2025

Introduction: the article is devoted to a comparative analysis of the doctrine of the composition of a crime¹ (elements of a crime). The author attempts to explain the differentiated approach to including the theory of the composition of a crime in the national criminal law of different states. **Purpose:** to identify how the historical trajectory of the law formation has influenced the development of this doctrine in criminal law. **Methods:** the study employed general scientific methods as well as historical, comparative legal, and legal-dogmatic methods. **Results:** the analysis has established that the historical trajectory of the law development and formation and the belonging of a state to a certain legal family condition the understanding of the composition of a crime. **Conclusions:** for the countries of the continental legal family, the doctrine in question is of key importance: the composition of a crime (of an act) is a description of this crime in the law. In the states belonging to the Anglo-Saxon system of law, the composition of a crime is used in the procedural sense – as a set of objective facts indicating the crime committed, and in the substantive sense – as a model of crime characterized by two elements: *actus reus* and *mens rea*, the signs of which can be found in codified acts and common law. When translating, legal authors equate the simplified structure of a crime and the composition of a crime in Russian understanding, although in the Anglo-Saxon theory of substantive criminal law the category of the composition of a crime is not developed. In the Muslim legal family, the composition of a crime has not acquired an independent meaning although there is a tendency to adopt the legal structures of the legislation of Western states. In Asian countries, there were further developed both the Soviet theory of the composition of a crime (in the People's Republic of China (PRC) and Mongolia) and the German doctrine of *Tatbestand* (in Japan). Currently, the PRC uses its own systematic theory of crime. The only normative act that enshrines the concept of the composition of a crime is the Criminal Code of the Republic of Moldova.

Keywords: composition of a crime; model of a crime; elements of a crime; structure of a crime; criminal law

Введение

Сравнительно-правовой анализ уголовного права зарубежных стран позволяет сопоставить российское учение о составе преступления с другими, имеющими место в той или иной правовой системе, что дает возможность выявить особенности понимания категории состава преступления в зависимости от правовой системы и обосновать значение учения о составе преступления в целом для юриспруденции, безотносительно к конкретному государству.

Перед тем как перейти к непосредственному исследованию состава преступления, отметим, что все государства в своем уголовном праве используют

эту категорию². Уголовное право многих государств построено на анализе преступления, его структуре и признаках, его характеризующих. Однако и в этих концепциях преступление переносится на уровень теоретического познания, посредством которого структура преступления значительно упрощается, что дает возможность представить его в наиболее обобщенном виде. В таком виде преступление (как некая абстрактная, упрощенная модель), хотя и не называется прямо составом преступления, совпадает с составом преступления по российскому праву.

Представляется наиболее удачным рассмотреть данный вопрос, сгруппировав зарубежное уголовное право по правовым семьям, которые объединены одним историческим путем формирования. При этом

¹ In this paper, 'composition of a crime' (Russian *sostav prestupleniya*) is understood to mean the set of all objective and subjective signs that define a socially dangerous act as a crime. *Sostav prestupleniya* is a term from Russian criminal law, and it is often translated into English as 'elements of a crime'. However, these terms are not fully identical. Therefore, for the purpose of comparative research, the author of the paper uses the translation 'composition of a crime' although it is not a recognized English-language term in criminal law.

² Речь идет прежде всего о государствах, входящих в англосаксонскую и мусульманскую правовые семьи.

автор статьи не ставит перед собой цели провести полное сравнительно-правовое исследование понятия состава преступления, в связи с чем видится возможным далее проанализировать уголовное право лишь некоторых стран, которые, по нашему мнению, позволяют составить представление об отдельных особенностях данной категории в праве государств, входящих в ту или иную правовую семью.

1. Учение о составе преступления в странах романо-германского происхождения

К особенностям стран романо-германского происхождения следует отнести оформление права в виде писаных законов, которым присущи абстрактный способ изложения правового материала, наличие четких дефиниций основных юридических категорий, высокий уровень изложения правовых норм [16, с. 180]. Как следствие, вся теория права континентальной, или романо-германской, правовой семьи построена на принципе законности, а именно на возможности привлечения лица к уголовной ответственности исключительно в случае, когда такое деяние предусмотрено (запрещено) законом. Так, например, в статье 1 Уголовного уложения Федеративной Республики Германия указано, что деяние может быть наказано, только если наказуемость была законодательно установлена прежде уголовным законодательством Федеративной Республики Германия¹. Всё это хорошо соотносится с юридическим позитивизмом, где право представляет собой иерархическую систему норм, а не закрепленные и не запрещенные в уголовно-правовых нормах деяния не могут признаваться преступлением. Именно по этой причине в основополагающих учениях о составе преступления, возникших на территории стран Западной Европы, состав отождествляется с нормой закона. Отсюда устоявшееся мнение о том, что в этих государствах состав преступления соотносится с признаком противоправности. Иного вывода не может быть, поскольку понятие преступления, используемое в этих государствах, является формальным, то есть связанным с запрещенностью деяния законом. Следовательно, состав преступления (как модель) априори не может закреплять или выражать общественную опасность деяния, так как и для самого преступления она не является существенным признаком. Хотя современная немецкая уголовно-правовая доктрина не отрицает материальной стороны преступления [8, с. 126].

Германия. Несмотря на то что именно немецкое учение о составе преступления было положено в основу концепции состава преступления в других

государствах, современное Уголовное уложение Федеративной Республики Германия 1871 года не использует непосредственно термин «состав преступления» (*corpus delicti*), а обходится указанием на элементы преступления (*Tatbestand*)². При этом некоторые ученые переводят текст уложения или литературу, посвященную внутренней структуре преступления, используя термин «состав преступного деяния» [7, с. 79], «состав преступления» [13, с. 10–11]³. Оговоримся, что мы не являемся специалистами-лингвистами (языковедами), поэтому лишь обратим внимание на эту особенность перевода. По нашему мнению, все же в немецком праве речь идет об элементах, признаках преступления (деяния), а не об элементах, признаках состава преступления как идеальной модели. Так, в статье А. Ролофф [22, с. 124] и в учебнике Г. Фристен используется именно термин «состав преступного деяния» [31, с. 129].

На это обращает внимание и Р. В. Кравцов: «Часто употребляемый в российской литературе перевод слова “*Tatbestand*” как состав преступления не является точным. В данном случае более правильно следовало бы употреблять термин “состав закона”, что не исключает, однако, перевод этого термина как “состав деяния” или “законный состав”. Термин же “состав преступления” не употребляется в германско-правовой доктрине вообще, и его употребление в российской переводной уголовно-правовой литературе можно объяснить только стремлением авторов изложить материал, используя терминологию, применяемую в российском уголовном праве» [12, с. 42].

А. Э. Жалинский достаточно подробно в свое время описал различие в понимании немецкого состава деяния и российского состава преступления [8, с. 127–170], в связи с чем позволим себе не повторяться, а лишь обратить внимание на некоторые особенности такого различия. Прежде всего это касается понятия и структуры преступления, которая выступает исходной категорией для формирования концепции состава преступления, состава преступного деяния [8, с. 113–126].

Немецкая концепция о составе преступного деяния основывается полностью на единстве объективного и субъективного, а следовательно, на проявлении в деянии неразрывно связанного объективного (внешнего проявления в мире) и субъективного (отношения лица к этому деянию), их еще именуют принципами: уголовно-правовым принципом деяния и уголовно-правовым принципом вины [31, с. 130–131]. Отметим, что в российской концепции не отрицается связь объективного и субъективного в преступном поведении лица, однако субъективные и объективные элементы поведения лица специально разделяются,

¹ Уголовный кодекс Германии. Официальный сайт Федерального управления Юстиции Германии. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/>.

² Там же.

³ Здесь необходимо отметить, что Н. Ф. Кузнецова определяла состав преступления через объективно существующую категорию, а не законодательную модель, в связи с чем в ее понимании элементы преступления и элементы состава преступления по своей сути не имели различия.

вычленяются и условно отдельно обозначаются, в результате чего и появляется конструкция именно состава преступления, а не состава преступного деяния. Отличие заключается и в том, что к субъективным признакам состава преступного деяния в немецком праве не относится субъект преступления, поскольку он включен в объективные признаки состава преступного деяния, а также вина и вменяемость. В объективных признаках состава преступного деяния, кроме субъекта преступления, имеется еще объект (в российском понимании – предмет преступления), охраняемое благо (или, согласно российскому уголовному праву, объект преступления), само деяние, преступные последствия и причинно-следственная связь между ними [6, с. 258]. Признаки специального субъекта (должностного лица или лица, принявшего на себя определенные обязанности) относятся в германском учении о составе преступного деяния также к его объективной стороне [31, с. 141]. Отсюда и различие в понимании наличия или отсутствия состава преступления. Так, в случае совершения лицом общественно опасного деяния в состоянии невменяемости по российскому учению о составе преступления речь будет идти об отсутствии элемента состава преступления – субъекта, а в немецком учении – о наличии состава, но отсутствии виновности [12, с. 43]. Это в свое время отмечала Н. Ф. Кузнецова: «Состав деяния в поведении лица отнюдь не означает по УК ФРГ, что лицо должно привлекаться к уголовной ответственности и нести наказание» [14, с. 67]. Следовательно, немецкое учение о составе преступного деяния отличается и не совпадает с общепринятой российской концепцией состава преступления прежде всего по своей сущности и, как следствие, по наличию элементов, составляющих структуру состава преступления (деяния), оставляя за рамками состава вину и вменяемость.

В науке уголовного права **Франции**, как отмечает Г. А. Есаков, используется для обозначения состава преступления выражение *corps du délit* [29, с. 353]. И структурно оно представляет собой материальный элемент (деяние) и интеллектуальный элемент посягательства (внутреннее отношение лица к совершенному деянию). Субъект преступления к собственно составу преступления, согласно уголовному праву Франции, не относится, но его установление обязательно для привлечения лица к уголовной ответственности¹.

Закрепляет принцип законности и не использует термин «состав преступления» уголовное право **Польши**², хотя можно заметить, что Особенная часть УК Польши построена с выделением более опасных преступлений³ (например, ст. 148 § 2 и 3) и менее опасных⁴ (ст. 148 § 4 и ст. 149, 150). То же самое можно сказать про Австрию⁵, Данию⁶, Испанию⁷, Италию⁸, Нидерланды⁹, Норвегию¹⁰, Швецию¹¹, Швейцарию¹².

Перед тем как перейти к анализу **чешского** уголовного закона, отметим некоторые особенности образования этого государства, которые не могли не повлиять на формирование уголовного права. Государство Чехия было образовано путем разделения Чешской и Словацкой Федеративной Республики, которая ранее существовала как Чехословакия. После Второй мировой войны коммунистический режим государств Восточной Европы привел к сближению экономики, политики, законодательства этих государств с СССР, в том числе появились точки соприкосновения в уголовно-правовой сфере. Здесь рождается фундаментальная работа Франтишка Полячек, посвященная составу преступления по чехословацкому уголовному праву. В основном она построена была на анализе научных трудов советских ученых и вышедших к этому времени работ А. Н. Трайнина [27, с. 362] и Л. Шуберта, затрагивающих дискуссионные вопросы состава преступления [32, с. 42–67].

¹ Уголовный кодекс Франции от 2 июля 1992 г. (вступил в силу 01.03.1994) // Официальный портал правовой информации Правительства Франции. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT00000607071; Уголовный кодекс Франции / пер. с фр. Н. Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 65.

² Уголовный кодекс Республики Польша от 6 июня 1997 г. URL: <https://prawnikpoznanski.pl/ru/%D1%83%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA/>.

³ По терминологии российского права – *квалифицированных* составов преступления.

⁴ По терминологии российского права – *привилегированных* составов преступления.

⁵ Уголовный кодекс Австрии от 23 янв. 1974 г. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10002296>.

⁶ Уголовный кодекс Дании = The Danish Penal Code / пер. с дат. С. С. Беляева и А. Н. Рычевой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 14.

⁷ Уголовный кодекс Королевства Испания 1995 г. Официальный государственный вестник Госагентства Испании. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1995-25444&p=20201217&tn=0>.

⁸ Уголовный кодекс Италии 1930 г. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:regio.decreto:1930-10-19;1398> (дата обращения: 11.07.2024); Уголовный кодекс Итальянской Республики // Официальный сайт Федеральной правовой информационной системы Итальянской Республики Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/urires/N2Ls?urn:nir:stato:co-dice.penale:1930-10-19;1398>.

⁹ Уголовный кодекс Нидерландов от 3 марта 1881 г. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2021-07-01>.

¹⁰ Уголовное законодательство Норвегии / пер. с норвеж. А. В. Жмени. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 24.

¹¹ Уголовный кодекс Швеции от 21 дек. 1962 г. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/brottsbalk-1962700_sfs-1962-700/#K1.

¹² Уголовный кодекс Швейцарии 1937 г. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/54/757_781_799/de.

Как отмечал Ф. Полячек, в чехословацкой науке уголовного права существовало два направления: 1) состав преступления является лишь одним из признаков преступления; наличие состава преступления не означает, что субъект подлежит привлечению к уголовной ответственности; 2) состав преступления является единственным основанием уголовной ответственности; не существует оснований уголовной ответственности вне пределов состава преступления [21, с. 23]. Именно второй вариант был более предпочтительным для Ф. Полячек. По чехословацкому уголовному праву состав преступления понимался как «совокупность признаков, в которых конкретизируется общее понятие преступления, данное в уголовном законе, и согласно которым общественно-опасное деяние определенного вида объявляется преступлением» [21, с. 62].

Думается, что этот исторический факт повлиял и на формирование теории и законодательства современной Чешской Республики. Так, Чешский уголовный закон в Особенной части построен по принципу описания преступления по степени общественной опасности¹. Хотя термин «состав преступления» в уголовном законе Чешской Республики не используется.

Важным представляется в этой группе правовой семьи упомянуть и уголовное право **Республики Болгария**, поскольку в статье 14 (1) УК этого государства содержится следующее упоминание состава преступления: «Незнание фактических обстоятельств, которые относятся к составу преступления, исключает умысел относительно этого преступления»². Представляется, что использование в уголовном законе Республики Болгария термина «состав преступления» можно объяснить восстановлением дипломатических отношений после Второй мировой войны с СССР³. Принятый в 1968 году уголовный закон, который с поправками существует и до настоящего времени, был схож в большей степени с уголовно-правовым учением СССР, нежели других стран Европы. Например, кроме сохранения термина «состав преступления» в УК Республики Болгария осталось и формально-материальное понятие преступления, которое не характерно для большинства европейских стран.

Таким образом, для государств континентальной правовой семьи, которая характеризуется абстрактным способом изложения (закрепления) правил поведения, учение о составе преступления (а если правильно говорить – о составе преступного деяния) имеет ключевое значение. Здесь состав преступления отождествляется с диспозицией уголовно-правовой нормы, а потому и переводится в некоторых источниках как состав закона. Структурно состав

преступного деяния содержит в себе само деяние, которое неразрывно связано с субъективным отношением к нему субъекта, при этом объект и субъект находятся за рамками состава преступного деяния. Использование термина «состав преступления» в законе некоторых стран романо-германской правовой семьи объясняется наличием в период разработки кодифицированного акта, посвященного преступлению и наказанию за его совершение, дипломатических связей с СССР, который к этому времени уже разработал и активно использовал категорию состава преступления в советском уголовном праве. Кроме того, к особенностям понимания состава преступления в этих государствах можно отнести и то, что его уже не связывали с уголовно-процессуальным правом [24, с. 112–121].

2. Учение о составе преступления в праве стран англосаксонского происхождения (семья общего права)

Особенность государств, входящих в англосаксонскую правовую семью, заключается в том, что источники права определяются не столько законами, сколько судебными прецедентами. Современное общее право, существующее в странах Британского Содружества и в США, сформировалось в XIX веке, хотя предпосылки его формирования некоторые ученые относят к более раннему периоду – к концу XII века [4, с. 52].

Главная идея прецедента заключается в том, что суд, осуществляя функции законодателя, связан с уже ранее разрешенным делом по схожей ситуации (обстоятельствам), ввиду чего он обязан принять решение в духе сформированной судебной практики, с которым он может быть и не согласен. И лишь в исключительном случае, когда появляются новые отношения, не подпадающие под действие прецедентов, суд может, замотивировав свое решение, по сути, создать новый прецедент, который будет обязателен для разрешения аналогичного дела в последующем. К сожалению, количество судебных прецедентов росло в геометрической прогрессии, что приводило к загруженности суда: судьи уже не успевали отследить наличие существующего прецедента. Этот феномен Г. А. Борисов назвал «инфляцией прецедента» [4, с. 72]. Следовательно, на определенном этапе развития права в государствах, принадлежащих к англосаксонской правовой семье, наиболее значимые правовые вопросы стали разрешать путем принятия специальных законов, направленных на регламентацию определенного вопроса.

¹ Уголовный закон Чешской Республики № 40/2009 Sb. от 8 янв. 2009 г. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/2009-40>.

² Уголовный кодекс Республики Болгария от 1 мая 1968 г. (ред. 24.10.2017). URL: https://www.cms.int/sites/default/files/document/cms_nlp_bgr_criminal_code_1968.pdf.

³ С 1946 по 1990 год на территории современной Республики Болгария существовала Народная Республика Болгария, которая разделяла взгляды на устройство государства, его политический режим, а также право с СССР.

Конечно же, публично-правовые вопросы были положены в основу первых кодифицированных актов [23, с. 97-101]. При этом, как справедливо отмечает А. А. Малиновский, «если в статуте обнаруживается пробел, то он восполняется, как правило, не изменениями и дополнениями к уже существующему статуту, а принятием нового статута» [16, с. 182]. Так, например, в Великобритании можно встретить Закон «О краже» 1968 года¹, Закон «О мошенничестве» 2006 года² или Закон о неправомерном использовании компьютерных технологий, принятый в 1990 году³, которыми устанавливается уголовная ответственность за ряд преступлений. При этом США, Австралия, Новая Зеландия всё же имеют кодифицированные акты: титул 18 Свода законов США⁴, Уголовный кодекс Австралии⁵, Закон о преступлениях 1961⁶. Следовательно, для права государств, входящих в англосаксонскую правовую семью, традиционно в большей степени характерен казуальный способ закрепления уголовно-правового запрета, хотя всё чаще наблюдается использование абстрактных конструкций.

При конструировании уголовно-правовой нормы в странах англосаксонского происхождения не используется состав преступления, несмотря на то что понятие “elements of crime” ему известно. При переводе допускаются неточности в отождествлении элементов состава преступления и элементов преступления. И это замечание является важным, когда мы разделяем понятие преступления (как реального явления) и состава преступления (как его информационной модели). Например, Е. Ю. Полянский указывает, что структура состава преступления **в уголовном праве США** является двухэлементной, то есть для установления состава преступления необходимо обнаружить преступное действие (*actus reus*) и виновное отношение к нему (*mens rea*) [20, с. 1991]. Также автор отмечает, что в американском праве «состав преступления является центральным основанием уголовной ответственности, однако, в отличие от постсоветского права, не абсолютным» [20, с. 1992]. *Actus reus* и *mens rea* составляют структуру преступления и для уголовного права других англосаксонских государств [35, с. 38–82].

Г. А. Есаков более точно переводит эти термины, указывая, что *actus reus* (запрещенное поведение в самом широком, общем смысле последнего слова) и *mens rea* (сопутствующий таковому поведению психический настрой) – элементы преступления

[29, с. 361–362]. Так же описывает их и А. Г. Кибальник [10, с. 36–37]. И только поскольку эти категории, характеризуя преступление, анализируются на теоретическом уровне познания, не как элементы структуры реального преступления, а всё же в упрощенном виде применительно к большому множеству преступлений, то их условно можно сравнить с элементами информационной модели преступления (то, из чего оно состоит и чем характеризуется).

В странах англосаксонской правовой семьи при квалификации действий лица идет установление тождества деяния не с составом преступления, как идеальной законодательной моделью определенного вида преступления, а именно с запретительной уголовно-правовой нормой, описывающей деяние, причиняющее вред обществу. Так, А. А. Малиновский в одной из своих работ приводит пример американского прецедента о конституционности сожжения американского флага в знак политического протеста, где суд устанавливает в действиях обвиняемого тождество не с моделью преступления, закрепленного в законе, а именно с конкретным запретом на поведение [16, с. 184]. Ученый описывает этот процесс следующим образом: «Для правильной юридической квалификации судья обращается к законодательной норме, регламентирующей конкретное общественное отношение и решение спорной ситуации. В целях уяснения общего смысла нормы конкретного статута судья изучает руководящий (ведущий) прецедент, в котором содержится норма-дефиниция или норма-толкование существенных законодательных признаков анализируемого деяния либо норма-правило оценки фактических обстоятельств дела. Затем для выяснения юридических тонкостей, скрытых в расплывчатых формулировках, судья использует многочисленные уточняющие прецеденты, непосредственно относящиеся к анализируемому случаю» [16, с. 185].

Следовательно, признаки, характеризующие преступление определенного вида, здесь могут быть рассредоточены не только по некодифицированным актам, но и по прецедентам.

Наличие судебного прецедента как источника права повлияло и на восприятие понятия состава преступления как факта совершенного преступления. Так, в юридическом словаре Генри К. Блэка состав преступления отождествляется с телом преступления, материальной субстанцией, на которую направлено преступление (например, тело убитого человека) [34,

¹Theft Act 1968 // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1968/60>.

²Fraud Act 2006 // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/35/contents>.

³Computer Misuse Act // Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/contents>.

⁴Официальный сайт The National Archives Trust. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title18/part1/chapter11&edition=prelim>.

⁵Criminal Code Act 1995 // Официальный сайт Правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>.

⁶Crimes act 1961 New Zealand // Официальный сайт министерства юстиции Новой Зеландии. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html>.

с. 413]. Фактически состав преступления здесь понимается в процессуальном значении как совокупность доказательств, позволяющих говорить о совершенном преступлении [39, с. 119–128], которую суд обязан установить¹. Логично при этом, что ни субъект, ни его вина не входят в элементы состава преступления.

Кроме того, в англосаксонских государствах говорят и о принципе состава преступления: невозможно доказать вину косвенными доказательствами, в том числе признанием вины обвиняемым, если не будет достаточных доказательств, свидетельствующих о совершении преступления². Иными словами, никто не должен быть осужден за преступление без достаточных доказательств того, что преступление имело место в действительности. Правило возникло отчасти для того, чтобы помешать государству наказывать лиц за преступление исключительно на основании их признаний, которые во многих случаях были ложными и совершенными под принуждением. Для каждого государства и штата установлены различные требования к количеству подтверждающих совершение преступления доказательств: некоторые штаты требуют (требовали), чтобы состав преступления был доказан полностью отдельно от заявлений обвиняемого, в других, например в Калифорнии, допускается рассмотрение заявлений наряду с некоторыми подтверждающими доказательствами, а если заявления были даны во время совершения преступления, то подтверждающие доказательства могут вообще не потребоваться³.

Традиционно в американском уголовном праве все преступления в своей структуре имеют три элемента: преступное деяние (*actus reus*), преступное намерение (*mens rea*) и совпадение этих двух элементов [33, с. 128]. При этом термин состав преступления (*corpus delicti*) упоминается все же в процессуальном значении [38, с. 2477]. Так, в учебнике по американскому уголовному праву говорится о том, что преступление можно разделить на элементы, которые обвинение должно доказать вне всякого сомнения. Эти элементы могут быть описаны как в уголовном законодательстве, так и в уголовных делах в штатах, где допускается применение общего права. Таким образом, правы Р. Р. Галиакбаров,

А. В. Шульга и А. В. Сокол, отмечая, что «англосаксонская уголовная теория, используя термин “состав преступления” (*corpus delicti*), так и не сформировала систематизированного, доктринального уголовно-правового учения о составе преступления» [5, с. 42].

Кроме стран, непосредственно относящихся к англосаксонской правовой семье, есть еще и ряд государств, которым досталось в «наследство» общее право, поскольку исторически они были связаны с англосаксонским правом. Речь идет о странах, являющихся бывшими колониями Великобритании, – некоторые современные страны Африки, Канада, Австралия, Индия, Новая Зеландия, Сингапур. Освобождаясь от влияния Великобритании, эти государства частично оставили общее право, однако позаимствовали и часть из континентальной правовой семьи. Например, Австралия⁴, Индия⁵ и Канада⁶ имеют кодифицированные нормативно-правовые акты, которыми устанавливается уголовная ответственность за преступления, однако упоминания о составе преступления в этих нормативно-правовых актах не содержится. Состав преступления в странах, относящихся к бывшим колониям Великобритании, используется в процессуальном смысле [37, с. 134].

Отметим и особенности **израильского уголовного права** в понимании категории состава преступления⁷. Как указывает И. В. Никитенко, «уголовное законодательство государства Израиль представляет собой лишь частично кодифицированный свод уголовно-правовых норм, многие из которых, если проводить аналогию с уголовным законодательством России, являются бланкетными. <...> При этом уголовное право Израиля допускает установление признаков противоправности и наказуемости деяния на подзаконном уровне, но с некоторыми ограничениями относительно видов и пределов (размеров) допустимых наказаний. Кроме того, вместе с законодательными и подзаконными актами источниками уголовно-правовых норм может стать и судебный прецедент» [18, с. 24]. Исходя из положений статей 18, 19 Закона об уголовном праве Израиля, можно сделать вывод, что здесь законодатель, по сути, определяет преступление через фактически совершенное деяние и отношение к этому деянию. В некоторых переводах этих статей можно встретить термин «состав

¹ См., например: Апелляционное определение Первого окружного суда Калифорнии от 9 марта 1971 г. URL: <https://case-law.vlex.com/vid/paul-t-in-re-893879672>.

² Christopher William Patton. Flowers on a Court Opin: How tge Trail of My Great-Grandmother’s Murderer Changed Me, My Family, and the Law. URL: <https://www.americanbar.org/groups/litigation/resources/litigation-journal/popular/how-trial-my-great-grandmothers-murderer-changed-me-my-family-law/>; Corpus Delicti: Legal Concept Explained. URL: <https://getlegalbuddies.com/blog/corpus-delicti-legal-concept-explained/>.

³ Legal information Institute. Cornell Law School. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/corpus_delicti#:~:text=Corpus%20delicti%20is%20a%20common,that%20the%20crime%20actually%20occurred.

⁴ Criminal Code Act 1995 // Официальный сайт Правительства Австралии. URL: <https://www.legislation.gov.au/C2004A04868/latest/text>.

⁵ The Bharatiya Nyaya Sanyita 2023. URL: www.mha.gov.in; The Indian Penal Code 1860 (утратил силу). URL: <https://iddashboard.legislative.gov.in/sites/default/files/A1860-45.pdf>.

⁶ Criminal Code of Canada (R.S.C. 1985, с. C-46, as amended) // Justice Laws Website. Online source of the consolidated Acts and regulations of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/C-46.pdf>.

⁷ Израиль имеет нетипичную правовую систему с чертами англосаксонской и романо-германской правовых семей.

преступления», как некой модели преступления. Так, например, М. Дорфман, толкуя положения статьи 18 Закона об уголовном праве Израиля 1977 года, пишет: «Под “признаком” преступления понимается деяние, входящее в состав преступления, а также обстоятельство или последствие, которое причинено посредством деяния, когда они являются частью состава преступления»¹.

Отметим и тот факт, что законодатель Израиля закрепил виды составов преступлений по их конструкции в статье 34 Закона об уголовном праве Израиля, в которой указано, что лицо, которое доводит себя до состояния опьянения для последующего совершения преступления с формальным составом, осуществляет деяние с преступным замыслом, а в случае совершения преступления с материальным составом – с преступным намерением.

Таким образом, в странах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле, как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении. В материальном смысле принято говорить о преступлении, характеризующемся двумя элементами – *actus reus* и *mens rea*, признаки которого могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве.

3. Учение о составе преступления в праве стран, относящихся к семье мусульманского права

Особенность права мусульманских государств заключается в том, что его источник – религиозные нормы, объединенные в священные тексты (Коран, Сунна), Иджма и Кияс, а также действующее законодательство. Условно можно разделить все страны, входящие в эту правовую семью, следующим образом: 1) государства, не имеющие уголовных законов, в силу чего они непосредственным образом руководствуются священными писаниями и мусульманско-правовой доктриной (Саудовская Аравия) [25, с. 95]; 2) государства, которые создавались под влиянием континентального законодательства, в связи с чем они имеют лишь отдельные черты мусульманского права (Марокко, Сирия, Ливан, Иордания); 3) страны, в которых уголовные законы построены на нормах шариата (Иран, Ирак, Пакистан, Ливия, Катар, Республика Йемен, Судан). А. А. Малиновский верно отмечает, что в этом случае «коранические нормы практически без изменений в силу конституционных предписаний закрепляются в законах и кодексах» [16, с. 188]. Проиллюстрировать это можно на примере убийства. «А кто убьет верующего умышленно,

тому возмездие – Ад, в котором остается навечно. Аллах гневается на него, проклинает его и приготовит ему великое наказание» (Сура «Ан-Ниса», аят 93) [9, с. 120]. В УК Ирана в статье 304 указано: «Преднамеренное убийство взрослого человека наказывается возмездием»². Аналогичным образом перенесено это положение и в Уголовный кодекс ОАЭ, в статье 332.1 которого закреплено: «Тот, кто умышленно убьет другого человека, наказывается пожизненным тюремным заключением»³. Аналогичная норма содержится в статье 300 УК Пакистана⁴.

Исходя из анализа уголовного законодательства государств, относящихся к мусульманской правовой семье, можно сделать вывод, что состав преступления не используется как при построении уголовного закона, так и при его толковании. Например, А. А. Аль-Баити отмечает, что в уголовном законодательстве Судана нет ни общего определения вины, ни определения ее форм [1, с. 85]. К такому же выводу приходит и Г. А. Есаков [29, с. 372]. Отсутствие единой, четко выраженной и логически завершенной правовой системы и отдельных базовых категорий для уголовного права отмечают и другие исследователи [2, с. 18].

Представляется, что в странах мусульманских государств тоже имеется тенденция к отказу от казуального способа описания преступления (преступления определенного вида) и, наоборот, к использованию абстрактных конструкций. Как справедливо отмечает Н. М. Коркунов: «Казуальная форма неудобна, так как ведет к чрезмерному ограничению числа отдельных норм и вместе делает невозможным достигнуть полноты юридических определений. При казуистическом характере норм каждый частный случай требует для себя особой юридической нормы. Ввиду же бесконечного разнообразия возможных случаев столкновения интересов, казуистические нормы, каково бы то ни было их число, никогда не могут объять всех встречающихся в жизни случаев» [11, с. 188].

Поэтому с конца прошлого века имеется тенденция к кодификации уголовного права в мусульманских правовых семьях. При этом за основу берется строение уголовных кодексов государств, принадлежащих к континентальной правовой семье, которые используют абстрактный способ изложения норм, теории преступления, состава преступления или состава преступного деяния. Таким образом, казуальные нормы сменяются более абстрактными, что позволяет спрогнозировать возможность использования современной теории состава преступления и в странах, принадлежащих к мусульманской правовой семье.

¹ Закон об уголовном праве Израиля (ред. 01.09.2022 г.): постатейный перевод с иврита на русский язык / пер. М. Дорфмана. Хайфа, 2010. С. 23.

² Уголовный кодекс Ирана. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:La2zrSY0hx4J:https://rc.majlis.ir/fa/law/show/845048&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>.

³ Уголовный кодекс Объединенных Арабских Эмиратов 1987 г. URL: <https://arabruleoflaw.org/files/legaldatabase/Laws/UAE/Doc02.pdf>.

⁴ Уголовный кодекс Пакистана 1860 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ar/legislation/details/8573>.

4. Учение о составе преступления в праве азиатских стран

Право в азиатских странах не имеет общих черт, поскольку исторически становление того или иного государства в азиатской части мира проходило под влиянием других ведущих держав, в связи с чем уголовное право Японии отличается от уголовного права Китайской Народной Республики, потому что первое заимствовало положения из права Германии, а второе – из права СССР.

Считается, что КНР позаимствовала базовые положения теории уголовного права из правовой системы СССР, хотя после ухудшения российско-китайских отношений правовая система КНР стала развиваться по самостоятельному пути [15, с. 131]. Таким образом, в КНР появилось две теории о составе преступления: традиционная и системная [30, с. 252]. Согласно традиционному учению состав преступления – это установленная китайским уголовным законом совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих определенное конкретное деяние (у которого имеется общественная опасность и выраженная степень этой опасности) как преступное [30, с. 253]. В системной теории состав преступления понимался как «органическое целое предусмотренных уголовным законом необходимых для признания тем или иным преступлением всех признаков, характеризующих общественную опасность» [30, с. 266]. Особенность последней теории заключается в том, что состав преступления имеет не четырех-, а трехзвенную структуру, при этом субъективная сторона включена в одно преступное поведение [30, с. 281].

Сам же УК Китайской Народной Республики не использует категорию состава преступления. Однако Особенная часть Уголовного кодекса КНР строится путем закрепления не только основных, квалифицированных и привилегированных составов преступления, но и – по моменту окончания преступления – формальных, материальных, усеченных составов.

Следовательно, на сегодняшний день в Китае сформировалось самостоятельное учение о составе преступления, отличное как от традиционной российской, так и немецкой концепции.

Япония заимствовала свою теорию уголовного права из Германии [30, с. 245]. Н. А. Морозов отмечает: «В результате уже к началу XX в. японское уголовное право представляло собой довольно редкий в мировой практике симбиоз систем континентального и общего права» [17, с. 272]. В уголовное законодательство Японии входит не только Уголовный кодекс 1907 года, но и иные уголовно-правовые нормы¹. При этом термин «состав преступления» не используется в них.

На содержание современного уголовного права Монголии повлиял исторический период связи Монгольской Народной Республики (далее – МНР) и СССР. Несмотря на то что МНР никогда не была в составе последнего, из-за развития идей социализма в этот период основные законы, в том числе УК МНР, были по своему содержанию схожи с законами СССР. Именно по этой причине в современном уголовном праве Монголии учение о составе преступления занимает одно из основных мест, а Уголовный кодекс Монголии 2015 года в ч. 2 ст. 2.2, ч. 3 ст. 2.7, ч. 4 ст. 2.8, ч. 2 ст. 3.2, ч. 1 ст. 4.1 и др. содержит термин «состав преступления»².

5. Учение о составе преступления в праве бывших стран СНГ

Особенность уголовного права, в том числе законодательства бывших стран СНГ, заключается в том, что страны, впоследствии ставшие советскими социалистическими республиками, с начала XX века, а некоторые и с XIX века (например, Азербайджанская Республика), имели общие исторические корни. Следовательно, у данных государств либо были одни законы, либо они имели общее сходство, в связи с чем теория состава преступления развивалась совместными усилиями ученых социалистических государств. Соответственно, теория состава преступления, как и в российском законодательстве, получила свое отражение и в уголовных кодексах множества бывших стран СНГ.

К государствам, изначально закрепившим положения о составе преступления в уголовном законе после распада СССР, можно отнести Азербайджанскую Республику³, Республику Узбекистан⁴, Республику Казахстан⁵, Республику Таджикистан⁶, Украину⁷, Республику Армению⁸ и др.

¹ Уголовный кодекс Японии 1907 года. URL: <https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/hourei/data/PC.pdf>.

² Уголовный кодекс Монголии 2015 года. URL: <https://www.warnathgroup.com/wp-content/uploads/2015/03/Mongolia-Criminal-Code.pdf>.

³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 дек. 1999 г. № 787-IQ (с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2023). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353#pos=659;-40&sdoc_params=text%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D1%2581%25D1%2582%25D0%25B0%25D0%25B2%26mode%3Dindoc%26topic_id%3D30420353%26spos%3D1%26tSynonym%3D0%26tShort%3D1%26tSuffix%3D1&sdoc_pos=3.

⁴ Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. URL: https://track.unodc.org/uploads/documents/BRI-legal-resources/Uzbekistan/3_-_RUS.pdf.

⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г. (ред. от 20.06.2024) // Официальный сайт Министерства юстиции Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

⁶ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1988. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf>.

⁷ Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 г. № 2341-III. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109.

⁸ Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апр. 2003 г. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/arm197602.pdf>.

В частности, в статье 3 УК Азербайджанской Республики (далее – УК АР) указано, что основанием уголовной ответственности является «совершение деяния (действия или бездействия), содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного только настоящим Кодексом». Также статья 27.1 УК АР закрепляет, что преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии (действии или бездействии) содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом. Упоминание есть и в статьях 30.3, 74-1.1, примечаниях к статьям 144, 199, 214–214-1, 214-3, 215, 228, 229, 274, 283-1, 318 УК АР. Здесь также выделяются основные (ст. 120.1 УК Азербайджана), привилегированные (ст. 121 УК Азербайджана) и квалифицированные (ст. 120. 2 УК Азербайджана) составы преступления.

Статья 4 УК Республики Казахстан признает единственным основанием уголовной ответственности совершение уголовного правонарушения, то есть деяния, содержащего все признаки состава преступления либо уголовного проступка, предусмотренного УК Республики Казахстан. Упоминание о составе преступления есть в статье 25, части 2 статьи 26, примечаниях к статьям 125, 175, 182, 217–218-1, 236, 255, 258, 260–262, 266, 267, 287, 288, 405 Уголовного закона Республики Казахстан. Каких-либо особенностей в понимании состава преступления казахскими учеными, отличными от российской концепции состава преступления, нет [28, с. 96–103].

В новом УК Кыргызской Республики от 28.10.2021¹ в статье 3 также используется термин «состав преступления»: «Юридическая определенность означает возможность точного установления настоящим Кодексом основания для привлечения к уголовной ответственности за преступление, а также всех признаков состава преступления». Этот же термин содержится в статьях 22, 23, 33, 38, 72 УК Кыргызской Республики.

В статье 1 Латвийский уголовный закон функционирует термин «состав преступления»: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступного деяния, то есть с умыслом (умышленно) или по неосторожности совершившего преступление предусмотренное настоящим законом деяние, имеющее все признаки состава преступного деяния»². Дублируется этот термин и в статьях 6, 26, 28 УК Латвии. Отметим также, что в УК Латвии есть и привилегированные составы преступления (ст. 121 УК Латвии – убийство при превышении пределов необходимой обороны), и квалифицированные (ст. 117 – убийство при отягчающих обстоятельствах, ч. 2 и ч. 3 ст. 177 УК Латвии).

В свою очередь в части 2 статьи 2 УК Литовской Республики установлено, что «ответственности по уголовному закону подлежит только лицо, совершившее деяние, которое соответствует составу преступления или уголовного проступка, предусмотренному уголовным законом»³. При этом понятие состава преступления не раскрывается. В УК Литвы также можно выделить основные, квалифицированные (ч. 2, 3, 4 ст. 132 УК Литовской Республики) и привилегированные составы преступлений (ст. 131 УК Литовской Республики).

Представляется, что историческая обусловленность вхождения этих государств в состав СССР наложила отпечаток на использование «состава преступления» в уголовном законе. Литва в 1990 году «унаследовала» советское уголовное законодательство, в том числе включенные в уголовный закон положения о составе преступления. Несмотря на то что в годы после выхода Литвы из состава СССР происходила активная имплементация норм западного зарубежья (в течение 10 лет осуществлялась разработка нового УК Республики Литвы, на который в основном повлияло уголовное право Германии и Польши, конвенции Совета Европы [36, с. 50]), всё же теория состава преступления не стала чуждой уголовному праву Литовской Республики. На страницах исследований литовских ученых в области уголовного права именно состав преступления, а не преступление подвергается анализу [36, с. 45]. При этом нужно отметить, что состав преступления отождествляется с информационной законодательной моделью определенного преступления [36, с. 302].

Особо необходимо упомянуть УК Республики Молдова, поскольку это единственный нормативно-правовой акт, закрепивший в статье 52 легальное понятие состава преступления как «совокупности установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, квалифицирующих вредное деяние как конкретное преступление. Состав преступления является юридическим основанием для квалификации преступления в соответствии с конкретной статьей настоящего кодекса»⁴. В статье 25 УК Республики Молдова указано, что преступление признается оконченным, если в совершенном деянии содержатся все признаки состава преступления. Таким образом, законодатель Республики Молдова выделяет реальное основание ответственности – совершение вредных деяний, и юридическое основание – признаки состава преступления, предусмотренные законом. Думается, что советская теория состава преступления наиболее полно была отражена в УК Республики Молдова.

Не закрепляет легального определения состава преступления и УК Республики Беларусь⁵, однако

¹ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 окт. 2021 г. № 127 (в ред. от 14.03.2025) // Официальный сайт Министерства внутренних дел Кыргызской Республики. URL: <https://mvd.gov.kg/rus.ministry/normative-bases/22>.

² Уголовный кодекс Латвийский Республики от 17 июня 1988 г. URL: <https://www.alex-lawyer.lv/ugolovnijzakonlatviirus.pdf>.

³ Уголовный кодекс Литовской Республики от 26 сент. 2000 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877>.

⁴ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. (ред. от 06.06.2024). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.

в уголовно-правовой литературе используется традиционное для нас понимание состава преступления как совокупности юридически значимых объективных и субъективных признаков, характеризующих общественно опасное деяние как преступление [3, с. 77].

Другие государства, входившие в СССР, в уголовном законе термин «состав преступления» не закрепили. Например, уголовное законодательство Грузии не использует категорию «состав преступления», это обусловлено прежде всего тем, что при принятии современного Уголовного кодекса Грузии были заимствованы основные идеи германского учения о преступлении [26, с. 89], поскольку в 90-е годы российско-грузинские отношения были напряженными, а Грузия стремилась найти точки соприкосновения с европейскими странами. В результате в статье 7 УК Грузии было утверждено положение, закрепляющее, что «основанием уголовной ответственности является преступление, т. е. предусмотренное настоящим Кодексом противоправное и виновное деяние»¹. В теории уголовного права Грузии речь идет не о составе преступления, а, как и в романо-германских странах, о составе деяния [26, с. 89].

Как справедливо отмечают Ю. А. Никифоров и В. Л. Шаповалов, после распада СССР ведущие державы были заинтересованы в усилении своего влияния на территории бывшего Советского Союза [19, с. 65–66]. Из-за этого некоторые бывшие страны СНГ в 2000-е годы изменили политический курс с «пророссийского» на «прозападный», вследствие чего произошел ряд существенных пересмотров основополагающих законов этих стран, которые совершенно иначе стали относиться к теории состава преступления. Так, например, в новом УК Армянской Республики, принятом 5 мая 2021 г.², было пересмотрено основание уголовной ответственности: если в законе от 2003 года в статье 3 УК Армянской Республики основанием уголовной ответственности считалось деяние, содержащее в себе все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом, то по ныне действующему УК в статье 14 – совершение оконченного или неоконченного преступления.

Выводы

Исторический путь развития и становления права, принадлежность государства к различным видам правовых семей определяют и понимание состава преступления. Так, для стран континентальной правовой семьи, которая характеризуется абстрактным способом изложения (закрепления) правил поведения, учение о составе преступления

(а если говорить дословно – о составе преступного деяния) имеет ключевое значение. Здесь состав преступления (деяния) рассматривается как важнейшая составляющая уголовно-правовой нормы. В праве большинства этих государств состав преступного деяния структурно содержит в себе само деяние, которое неразрывно связано с субъективным отношением к нему субъекта, при этом объект и субъект находятся за рамками состава преступного деяния.

В государствах, принадлежащих к англосаксонской системе права, состав преступления используется в процессуальном смысле, как совокупность объективных фактов, свидетельствующих о совершенном преступлении. В материальном смысле преступление характеризуется двумя элементами – *actus reus u mens rea*, признаки которых могут содержаться как в кодифицированных актах, так и общем праве. При переводе авторы упрощенную структуру преступления и понимаемый в контексте российского законодательства состав преступления отождествляют, несмотря на то что в самой англосаксонской теории материального уголовного права категория состава преступления не разработана.

В мусульманской правовой семье состав преступления не обрел самостоятельного значения, при этом имеется тенденция к рецепированию правовых конструкций права западных государств.

В азиатских странах получили свое развитие как советская теория состава преступления (Китайская Народная Республика и Монголия), так и немецкое учение о составе преступления (Япония). В настоящее время, основываясь на системном методе, КНР использует собственную системную теорию состава преступления, которая отличается не только понятием, но и количеством элементов, входящих в его структуру.

Огромное влияние учение о составе преступления оказало на страны, входившие в СССР. Некоторые государства закрепили состав преступления в уголовном законе: Республика Молдова, Казахстан, Узбекистан, Азербайджанская Республика. Другие, хотя в уголовном законе такую категорию и не отражают, активно ею пользуются при правоприменении: Республика Таджикистан, Кыргызстан, Беларусь и др. Однако есть и те, кто полностью отказался от советской теории состава преступления (Грузия).

Единственным нормативным актом, закрепившим понятие состава преступления, остается УК Республики Молдова, где в статье 52 указано, что состав преступления – «совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, квалифицирующих вредное деяние как конкретное преступление»³.

¹ Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=261>; Уголовный кодекс Грузии / пер. с груз. И. Мериджанашвили. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 87.

² Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. URL: <https://www.arlis.am/ru/acts/204754>.

³ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апр. 2002 г. (ред. от 06.06.2024). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835.

Библиографический список

1. *Аль-Баити М. А. А.* Некоторые аспекты субъективной стороны состава преступления по мусульманскому праву // *Исламоведение*. 2012. № 2 (12). С. 83–90.
2. *Аль-Баити М. А. А.* Вина в структуре субъективной стороны преступления по уголовному праву Республики Йемен: проблемы и их решение: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 175 с.
3. *Бабий Н. А.* Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник. Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. 663 с.
4. *Борисов Г. А.* Доктринальные подходы к обеспечению единообразия судебной практики в странах общего права и в России: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 219 с.
5. *Галиакбаров Р. Р., Шульга А. В., Сокол А. В.* История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // *Общество и право*. 2019. № 3 (69). С. 37 – 44.
6. *Головин А. Ю., Бугаевская Н. В.* Структурные элементы состава преступления и их значение для квалификации и предупреждения преступлений коррупционной направленности // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. Т. 9, № 2. С. 257–264. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).257–264.
7. *Головненков П. В.* Уголовное уложение Федеративной республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.
8. *Жалинский А. Э.* Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби: Проспект, 2006. 560 с.
9. *Калям Шариф.* Перевод смыслов. Казань: Хузур – Спокойствие, 2020. 652 с.
10. *Кибальник А.* Преступное деяние в доктрине уголовного права и судебной практике Англии // *Уголовное право*. 2006. № 2. С. 36–40.
11. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. 520 с.
12. *Кравцов Р. В.* Преступное деяние в уголовном праве России, ФРГ, Нидерландов: сравнительный аспект // *Сибирский юридический вестник*. 2007. № 3 (38). С. 38–45.
13. *Кузнецова Н. Ф.* Вопросы общей части уголовного права Германской Демократической Республики. М.: Изд.-во Моск. ун-та, 1957. 44 с.
14. *Кузнецова Н. Ф., Хуэйлинь Ц.* Теория о составе преступления в Китае и России // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2009. № 6. С. 62–74.
15. *Лун Ч.* Состав преступления в уголовно-правовой доктрине Китая // *Lex Russica*. 2016. № 9 (118). С. 129–135.
16. *Малиновский А. А.* Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) // *Юридическая техника*. 2016. № 10. С. 179–190.
17. *Морозов Н. А.* Преступность в современной Японии: Проблемы криминологической и уголовно-правовой политики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 430 с.
18. *Никитенко И. В.* Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в уголовном законодательстве Израиля // *Вестник Дальневосточного юридического института МВД России*. 2022. № 3 (60). С. 22– 29.
19. *Никифоров Ю. А., Шаповалов В. Л.* Россия и современный мир: учеб. пособие. М.: МПГУ, 2018. 124 с.
20. *Полянский Е. Ю.* Теория состава преступления в уголовном праве США: ключевые позиции и основные недостатки // *Lex Russica*. 2013. Т. 95, № 11. С. 1991–1204.
21. *Полячек Ф.* Состав преступления по чехословацкому уголовному праву. М., 1960. 318 с.
22. *Роллоф А.* «Похищение человека» (§ 234 УУ ФРГ) и «угон человека» (§ 234а УУ ФРГ) // *Союз криминалистов и криминологов*. 2020. № 1. С. 123–127.
23. *Сизова В. Н.* Эволюция системы уголовного законодательства Англии // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2020. № 4 (49). С. 96–103.
24. *Соловьева Е. А.* Историческая смена научных парадигм и состав преступления // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2025. Т. 15, № 1. С. 112–121. DOI: doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121.
25. *Сюкияйнен Л. Р.* Мусульманское уголовное право: теоретические основы и современная практика // *Современное уголовное право и криминология: сб. науч. тр. Серия: Правоведение / Центр социал. науч.-информ. исслед. отдел правоведения. ИГП РАН, Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. М., 2007. С. 80–106.*
26. *Тодрия Г. Г.* Некоторые логические проблемы системы уголовного права Грузии // *Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (серия «Юридические науки»)*. 2016. № 1 (6). С. 89–94.
27. *Трайнин А. И.* Состав преступления по советскому уголовному праву. М.: Гос. изд-во юрид. лит, 1957. 362 с.
28. *Уголовное право Казахстана и России. Общая часть / под ред. Р. М. Абдрашева, С. В. Маликова, А. И. Чучаева.* М.: Городец, 2022. 528 с.
29. *Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. V. Понятие преступления. Состав преступления.* М.: Юрлитинформ, 2016. 600 с.
30. *Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая. Сравнительно-правовое исследование / под ред. проф. В. С. Комиссарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна.* СПб.: Юридический центр «Пресс», 2009. 549 с.
31. *Фристер Г.* Уголовное право Германии. Общая часть = Strafrecht. Allgemeiner Teil / пер. с нем. 5-е изд. М.: Инфортропик Медиа, 2013. 712 с.
32. *Шуберт Л.* Об общественной опасности преступного деяния. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 238 с.

33. Crime Law. Open University of Hong Kong. 2012. 538 p. URL: <https://www.opentextbooks.org.hk/ditabook/28025>.

34. *Black H. C.* Blacks's Law Dictionary. West Publishing Company. 1968. 1882 p.

35. *Herring J.* Criminal Law. Third edition. Palgrave Macmillan. 2002. 485 p.

36. Legal Developments During 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania. Springer. 2021. 315 p. DOI: doi.org/10.1007/978-3-030-54783-7.

37. *Rwelamira M. R.* Murder Without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence // Journal of African Law. 1992. Vol. 36. № 2. Pp. 132–139.

38. *Taylor S., Workman L.* The Evolution of Crime. Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science. Springer, 2021. 8604 p.

39. *Hopper W. H.* Arson's Corpus Delicti // The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science. 1956. Vol. 47. № 1. Pp. 118–130.

References

1. Al-Baiti M. A. A. *Nekotorye aspekty sub'ektivnoy storony sostava prestupleniya po musul'manskomu ugovnomu pravu* [Some Aspects of the Subjective Side of the Corpus Delicti under Muslim Criminal Law]. *Islamovedenie – Islamic Studies*. 2012. Issue 2 (12). Pp. 83–90. (In Russ.).

2. Al-Baiti M. A. A. *Vina v strukture sub'ektivnoy storony prestupleniya po ugovnomu pravu Respubliki Yemen: problemy i ikh reshenie* [Guilt in the Structure of the Subjective Side of a Crime Under Criminal Law of the Republic of Yemen: Problems and Their Solutions: Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2019. 175 p. (In Russ.).

3. *Babiy N. A.* *Ugovnoe pravo Respubliki Belarus'. Obshchaya chast'* [Criminal Law of the Republic of Belarus. General Part] Minsk, 2010. 663 p. (In Russ.).

4. *Borisov G. A.* *Doktrinal'nye podkhody k obespecheniyu edinoobraziya sudebnoy praktiki v stranakh obshchego prava i v Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Doctrinal Approaches to Ensuring Uniformity of Judicial Practice in Common Law Countries and in Russia: A Comparative Legal Study: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2024. 219 p. (In Russ.).

5. *Galiakbarov R. R., Shul'ga A. V., Sokol A. V.* *Istoriya vozniknoveniya i stanovleniya ucheniya o sostave prestupleniya v zarubezhnom ugovnom prave* [History of Evolution of the Doctrine of the Component Elements of a Crime in Criminal Law in Foreign Countries]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. 2019. Issue 3 (69). Pp. 37–44. (In Russ.).

6. *Golovin A. Yu., Bugaevskaya N. V.* *Strukturnye elementy sostava prestupleniya i ikh znachenie dlya kvalifikatsii i preduprezhdeniya prestupleniy korruptsionnoy napravlenosti* [Structural Elements of the Corpus Delicti and Their Significance for the Qualification and Prevention of Corruption Crimes]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baik*

National University of Economics and Law. 2015. Vol. 9. Issue 2. Pp. 257–264. DOI:10.17150/1996-7756.2015.9(2).257-264. (In Russ.).

7. *Golovnenkov P. V.* *Ugovnoe ulozhenie Federativnoy respubliki Germaniya – Strafgeetzbuch (StGB)* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB)]: scientific and practical commentary and translation of the text of law. Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 p. (In Russ.).

8. *Zhalinskiy A. E.* *Sovremennoe nemetskoe ugovnoe pravo* [Modern German Criminal Law]. Moscow, 2006. 560 p. (In Russ.).

9. *Kalyam Sharif.* *Perevod smyslov* [Kalyam Sharif. Translation of Meanings]. Kazan, 2020. 652 p. (In Russ.).

10. *Kibal'nik A.* *Prestupnoe deyanie v doktrine ugovnogo prava i sudebnoy praktike Anglii* [Criminal Act in the Doctrine of Criminal Law and Juridical Practice of England]. *Ugovnoe pravo – Criminal Law*. 2006. Issue 2. Pp. 36–40. (In Russ.).

11. *Korkunov N. M.* *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Moscow. 2010. 520 p. (In Russ.).

12. *Kravtsov R. V.* *Prestupnoe deyanie v ugovnom prave Rossii, FRG, Niderlandov: sravnitel'nyy aspekt* [A Criminal Act in Criminal Law of Russia, Germany, the Netherlands: Comparative Aspect]. *Sibirskiy yuridicheskij vestnik – Siberian Law Herald*. 2007. Issue 3 (38). Pp. 38–45. (In Russ.).

13. *Kuznetsova N. F.* *Voprosy obshchey chasti ugovnogo prava Germanskoy Demokraticheskoy Respubliki* [General Criminal Law Issues of the German Democratic Republic]. Moscow, 1957. 44 p. (In Russ.).

14. *Kuznetsova N. F., Hueilin Ts.* *Teoriya o sostave prestupleniya v Kitae i Rossii* [Theory of Corpus Delicti in China and Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo – Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2009. Issue 6. Pp. 62 – 74. (In Russ.).

15. *Loon C.* *Sostav prestupleniya v ugovno-pravovoy doktrine Kitaya* [Elements of a Crime in the Criminal Law Doctrine of China]. *Lex Russica*. 2016. Issue 9 (118). Pp. 129–135. (In Russ.).

16. *Malinovskiy A. A.* *Yuridicheskaya tekhnika v zarubezhnykh pravovykh sem'yakh (vzglyad komparativista)* [Legal Technique in Foreign Legal Families (A Comparative View)]. *Yuridicheskaya tekhnika – Juridical Techniques*. 2016. Issue 10. Pp. 179–190. (In Russ.).

17. *Morozov N. A.* *Prestupnost' v sovremennoy Yaponii: Problemy kriminologicheskoy i ugovno-pravovoy politiki* [Crime in Contemporary Japan: Breakdowns in Criminological and Criminal Law Policy: Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016. 430 p. (In Russ.).

18. *Nikitenko I. V.* *Prestupleniya protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti v ugovnom zakonodatel'stve Izrailya* [Crimes against Sexual Integrity and Sexual Freedom of the Individual in the Criminal Legislation of Israel]. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. Issue 3 (60). Pp. 22–29. (In Russ.).

19. Nikiforov Yu. A., Shapovalov V. L. *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the Modern World]. Moscow, 2018. 124 p. (In Russ.).
20. Polyanskiy E. Yu. *Teoriya sostava prestupleniya v ugovnom prave SShA: klyuchevye pozitsii i osnovnye nedostatki* [The Theory of Corpus Delicti in Criminal Law of the USA: Key Positions and Main Shortcomings]. *Lex Russica*. 2013. Vol. 95. Issue 11. Pp. 1991–1204. (In Russ.).
21. Poláček F. *Sostav prestupleniya po chekhoslovatskomu ugovnomu pravu* [The Elements of a Crime under Czechoslovak Criminal Law]. Moscow, 1960. 318 p. (In Russ.).
22. Roloff A. «*Pokhishchenie cheloveka*» (§ 234 UU FRG) i «*ugon cheloveka*» (§ 234a UU FRG) [Crimes against Personal Liberty (§ 234 and § 234a StGB)]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov – Union of Criminalists and Criminologists*. 2020. Issue 1. Pp. 123–127. (In Russ.).
23. Sizova V. N. *Evolutsiya sistemy ugovnogo zakonodatel'stva Anglii* [Evolution of the Criminal Law System in England]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii – Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2020. Issue 4 (49). Pp. 96–103. (In Russ.).
24. Soloveva E. A. *Istoricheskaya smena nauchnykh paradig i sostav prestupleniya* [Historical Change of Scientific Paradigms and the Composition of the Offence]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo – Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2025. Issue 15 (1). Pp. 112–121. DOI: 10.21869/2223-1501-2025-15-1-112-121. (In Russ.).
25. Syukiyaynen L. R. *Musul'manskoe ugovnoe pravo: teoreticheskie osnovy i sovremennaya praktika* [Muslim Criminal Law: Theoretical Foundations and Current Practice]. *Sovremennoe ugovnoe pravo i kriminologiya* [Modern Criminal Law and Criminology]: Collection of Scientific Papers. Series: Jurisprudence. Moscow, 2007. Pp. 80–106. (In Russ.).
26. Todriya G. G. *Nekotorye logicheskie problemy sistemy ugovnogo prava Gruzii* [Some Logical Problems of the System of Georgian Criminal Law]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Gosudarstvo i pravo: voprosy teorii i praktiki (seriya «Yuridicheskie nauki»)* – Bulletin of Kostroma State Technological University. State and Law: Theory and Practice (Series 'Juridical Sciences'). 2016. Issue 1(6). Pp. 89–94. (In Russ.).
27. Traynin A. I. *Sostav prestupleniya po sovetскому ugovnomu pravu* [The Elements of a Crime Under Soviet Criminal Law]. Moscow, 1957. 362 p. (In Russ.).
28. *Ugovnoe pravo Kazakhstana i Rossii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Kazakhstan and Russia. General Part]. Ed. by R. M. Abdrashev, S. V. Malikov, A. I. Chuchayev. Moscow, 2022. 528 p. (In Russ.).
29. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie* [Criminal Law. General Part. Crime]: in 10 vols. Vol. V. *Ponyatie prestupleniya. Sostav prestupleniya* [Concept of Crime. Elements of Crime]. Moscow, 2016. 600 p. (In Russ.).
30. *Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Doctrine of the Corpus Delicti in Criminal Law of Russia and China: A Comparative Legal Study]. Ed. by V. S. Komissarov, A. I. Korobeev, H. Binsun. St. Petersburg, 2009. 549 p. (In Russ.).
31. Frister H. *Ugovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast' = Strafrecht. Allgemeiner Teil* [German Criminal Law. General Part = Strafrecht. Allgemeiner Teil]. Transl. from Germ. 5th ed. Moscow, 2013. 712 p. (In Russ.).
32. Schubert L. *Ob obshchestvennoy opasnosti prestupnogo deyaniya* [On the Social Danger of a Criminal Act]. Moscow, 1960. 238 p. (In Russ.).
33. *Criminal Law*. The Open University of Hong Kong, 2012. 538 p. Available at: <https://www.opentextbooks.org.hk/ditabook/28025>. (In Eng.).
34. Black H. C. *Blacks's Law Dictionary*. West Publishing Company, 1968. 1882 p. (In Eng.).
35. Herring J. *Criminal Law*. 3rd ed. Palgrave Macmillan, 2002. 485 p. (In Eng.).
36. *Legal Developments during 30 Years of Lithuanian Independence. Overview of Legal Accomplishments and Challenges in Lithuania*. Springer, 2021. 315 p. DOI: 10.1007/978-3-030-54783-7. (In Eng.).
37. Rwelamira M. R. Murder without Corpus Delicti: A Brief Excursus on Circumstantial Evidence. *Journal of African Law*. 1992. Vol. 36. Issue 2. Pp. 132–139. (In Eng.).
38. Taylor S., Workman L. The Evolution of Crime. *Encyclopedia of Evolutionary Psychological Science*. Springer, 2021. Pp. 2476–2483. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/978-3-319-19650-3.pdf>. (In Eng.).
39. Hopper W. H. Arson's Corpus Delicti. *The Journal of Criminal Law, Criminology, and Police Science*. 1956. Vol. 47. Issue 1. Pp.118–130. (In Eng.).

Информация об авторе:

Е. А. Соловьева

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и прокурорского надзора
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-0076-0811

ResearcherID: GMX-4305-2022

About the author:

E. A. Soloveva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0003-0076-0811

ResearcherID: GMX-4305-2022